



Софико Арифджанова и Павел Никулин / Фото: Ксения Сонная / ОВД-Инфо

24.07.2018, 14:59 Краснодарский край

ИНТЕРВЬЮ

Забирали журналы под аплодисменты: как срывали презентацию альманаха **moloko plus**

Издатели журнала **moloko plus** Павел Никулин и Софико Арифджанова рассказали о том, как в Краснодаре их **задерживала** полиция, на них **нападали** на улице неизвестные в масках, а журналы изымали во время презентации. Инициировала давление организация «Потомки Бессмертного полка». У некоторых ее активистов есть татуировки со свастиками, но краснодарская полиция всерьез реагирует на их доносы.

ОБ ЭТОМ НИКТО НЕ УЗНАЕТ

Если об этом никто не напишет. Подпишитесь на регулярные пожертвования ОВД-Инфо, чтобы плохие дела не оставались в тишине.

ПОДПИСАТЬСЯ

Зачем вообще вы поехали в Краснодар?

Софико: Нас туда пригласили. Организаторы (краснодарской презентации — *ОВД-Инфо*) увидели, что у нас была презентация в Иркутске — по видеосвязи — и захотели провести у себя.

Павел: До этого у нас были презентации в Москве, Иркутске и Львове. В прошлом году у нас была запланирована презентация в Екатеринбурге — Ройзманграде — у нас как раз вышел номер о наркотиках...

Софико: Нас тоже приглашали студенты Уральского федерального университета (УрФУ).

Павел: Две лекции были запланированы в УрФУ: — одна о журналистике в целом, другая о *moloko plus*. Но нас забанила служба безопасности университета. Запретила проводить презентацию в университете, другую площадку для нее искать не стали.

Софико: Презентация в Краснодаре изначально планировалась по видеосвязи.

Павел: Но потом выяснилось, что она будет в те дни, когда я буду в городе и так. В Краснодаре у меня живут друзья. Я приехал на день рождения подруги.

Софико: Непосредственным организатором была я.

ОВД-Инфо интересуют всякие неприятности. Как они начались?

Павел: Неприятности начались, когда я приехал в «Типографию». Это культурный центр, где проходило мероприятие. Мне сказали, что мероприятием интересуется полиция, нужно собрать информацию, которая о нас есть в открытом доступе, чтобы показать кураторам, что мы нормальные чуваки.

Кураторам?

Павел: Не ментам.

Софико: «Типография» существует на меценатские деньги. И нужно было объяснить этим людям, что мы не экстремисты и не террористы.

Павел: Ну мы и сказали, что **текст** Александрины Елагиной (о «борьбе с терроризмом» в Чечне — *ОВД-Инфо*) брал **«Редколлегию»**, я читал лекции о журналистике в МГУ, РГГУ и Высшей школе экономики. Мы все — профессиональные журналисты с большим стажем.

Софико: Потом Паша уехал по делам, а я пошла гулять с одной местной девочкой. Как только мы зашли в переулок, где не было людей, к нам подошли мужчины, одетые по гражданке. Показали удостоверение, сказали, что из уголовного розыска, и нам нужно пройти с ними в отделение. Объяснить, зачем, они не могли. Говорили, что материалы некоего дела у них лежат в отделении.

Прямо уголовного дела?

Софико: Говорили про дело! Подогнали гражданскую машину... Девочка несовершеннолетняя, мне было достаточно боязно. Мы сфотографировали машину и поехали в отделение. Там девочку оставили ждать в коридоре, а старший оперуполномоченный Громов...

Какой структуры?

Павел: Как мы поняли, Центра «Э». Но он не представлялся. У нас не осталось ни одной

бумаги с его именем. Может быть, он что-то и проговаривал, но в этот момент мы не особо запомнили. Между собой мы называли его «майор Громов»: «товарищ майор», «лед под ногами майора» — вот это все.

Софико: Я начала рассказывать, что мы приехали в Краснодар презентовать наш проект. Тут выясняется, что они даже не знают название нашего альманаха. Они пытались съехать с этого вопроса, начинали грубить. Я говорю: может быть, не мы вам нужны? Вы кого конкретно ищите? Они очень смущались, в итоге показали мою фотографию из открытой встречи нашей презентации. И тут я признала, что это я. Они говорили, что мы занимаемся какой-то ужасной экстремистской деятельностью, просили показать альманахи, у меня их с собой не было. Стали требовать, чтобы в отделение приехал Паша. Сказали, что если Паша не приедет, меня не выпустят. Ок, я звоню Паше. Паша резонно говорит, что без повестки никуда не поедет.

Павел: Я попросил сделать громкую связь. Я сказал, что они взяли заложников. Заложников берут кто? Террористы. А с террористами я переговоры вести не буду. Я сказал, что, по их понятиям, это «не по-мужски» — держать в заложницах девочек, которые ничего преступного не совершили — чтобы я приехал. Я пользовался их риторикой, но их это очень сильно задело. Я, собственно, и хотел их задеть.

Софико Арифджанова / Фото: Ксения Сонная / ОВД-Инфо

Софико: Громов начал психовать. Я позвонила нашему редактору Юлиане Лизер, описывала, что происходит, где мы сидим. Громов начал орать: «Выключи телефон! Я тебя по 19.3 (статья КоАП о сопротивлении полицейскому — *ОВД-Инфо*) закрою!» Он потребовал показать мой рюкзак — надеюсь, что там все же будут альманахи — я открыла рюкзак. Он потребовал вытаскивать вещи.

Я говорю: подождите, если это не осмотр, а досмотр, вы должны это фиксировать. Он на меня опять начал бычить... Я стала доставать из рюкзака нижнее белье, прокладки... На прокладках он потерял интерес к моему рюкзаку. Не знаю даже, зачем, он стал говорить мне, что у меня квадратные глаза, что я наверняка под чем-то. Начал демонстративно звонить некоему Денису и говорить: «Вот, мы сейчас к тебе повезем девочку на освидетельствование». Потом зацепились за то, что в коридоре сидит несовершеннолетняя, пообещали, что к ней вызовут комиссию по делам несовершеннолетних. Потом мне опять угрожали 19.3... Затем предложили выйти в коридор. Когда я вернулась, они вдруг стали безумно шелковыми, дали мне две бумажки: выясняется, что этот цирк и фарс был нужен для того, чтобы я подписала бумажку о том, что ознакомлена со статьей о проведении массовых публичных мероприятий, и бумажку о том, что предупреждена об уголовной ответственности за экстремистскую деятельность. Я подписала, и они даже предложили несовершеннолетней: «Через полчаса уже десять вечера, комендантский час (для несовершеннолетних — *ОВД-Инфо*), давай мы тебя подвезем до дома». Мне они говорят: «Мы знаем, что вы любите говорить о ментовском беспределе. Расскажи-ка, что с вами произошло?» Я: «Вы нас забрали, чтобы предупредить об ответственности за экстремистскую деятельность, и отпустили». Они: «Все правильно».

От Паши, видимо, они тоже хотели, чтобы он такое подписал?

Софико: Видимо, да. Чтобы найти Павла, они взяли в заложники меня и мою случайную спутницу.

Почему тебя они нашли, а Павла нет?

Софико: Потому что мы разделились. Как я понимаю (не могу это утверждать), они караулили возле

«Типографии», а мы туда заходили.

Павел: Меня они тоже «предупредили»: я пришел к ним с адвокатом Алексеем Аванесяном. Это местный адвокат. Кажется, он занимается делом о нападении на (кубанского оппозиционера и эколога — *ОВД-Инфо*) **Андрея Рудомаху**. Адвокат мне сказал: эта бумажка — отчетная единица для них. Непонятно, зачем они так делают. Можно было бы и на улице подойти, взять у тебя роспись. Если уж у них цель тебя предупредить, можно было бы это и под камеру сделать. Адвокат передал им альманахи, чтобы они не волновались. Они сказали: мы ночью будем читать. Мы пошли на эту жертву, надеясь, что эта стратегия поможет нам спокойно провести презентацию. Мы ждали читателей и не хотели их подвести.

Софико: Какой экстремист добровольно сдаст свои экстремистские материалы мусорам?

Павел: Я очень удивился, услышав историю Софико, как они на нее орали. Со мной они были предельно корректны. Можно было к ним не пойти, но адвокат предполагал, что тогда менты приедут и сорвут презентацию. Я решил подписать. Там же все правда: я действительно Павел Никулин. Я действительно в курсе существования этих статей и, наверное, даже лучше сотрудников полиции знаком с правоприменением «антиэкстремистских» статей. Так уж вышло, что я очень много об этом пишу. Мы поехали ночевать на безопасную квартиру, а с утра с одним приятелем отправились в центр города поесть фалафель.

Софико: Когда нас задержали, мы с этой девочкой тоже шли в то же кафе, чтобы съесть фалафель!

Павел: А когда мы туда, наконец, попали, фалафель у них закончился... Короче, чтобы туда поехать, мы ждали трамвай. Тут из ниоткуда материализуются двое крепких парней, такие спорттики-неонацисты. Один пошире

в плечах, другой поуже. На лицах респираторы, в руках газовые баллоны.

Это все днем происходило?

Софико: Да, было часа два дня.

Павел: Это было в частном секторе, там довольно глуховато, но я не думаю, что они не напали бы и в центре города. Идут, смотрят на меня. Я прикидываю, что нужен им я. Говорю: «Разбегаемся». Бегу. Они за мной. Походя залили газом Софико.

Софико: Я в тот момент сидела на остановке и успела только вскочить. Один из нападавших, пробегая мимо, узнал меня, залил и побежал дальше.

Павел: Я пытался увести нападавших от ребят... Понятно, что целью был срыв презентации, наверное, потому они и кричали во время нападения «Хеллоу, Украина!»: в случае поимки они объясняли бы, что мы из-за Украины поругались. Понятно, что они просто исполнители. Наверное, это придумал тот, кто за всем этим стоит. Нас крик про Украину очень удивил, мы можем только догадываться. Я принял неправильное решение свернуть, потерял в скорости. Один из них бортанул меня, залили газом лицо. Несколько раз пытались сорвать с меня рюкзак. Наверное, пытались дорваться до техники, повредить ее. Сделать мое пребывание в Краснодаре максимально проблемным. Я смог вырваться, увидел открытую калитку, сразу забежал в нее. Я не видел, идут ли они за мной. Я увидел, что на крыльце сидит мальчик, я кричу ему: «Не запирайте дверь!» Почему-то решил обратиться к нему на «вы». Он испугался, с криком влетел в дом, но не запер дверь. Я открыл дверь, развернулся, закрыл ее. Напугал еще домашнего попугая. Я извинился перед взрослыми в доме, сказал, что на меня пытались напасть. Из дома собрался выйти парень с ножом, хотел искать нападавших, за ним выскочила мама с криком:

«Убери нож!» Мне дали молоко умыться. Выяснилось, что это еще и не просто дом, а магазин карнавальных костюмов. В частном доме. Дом поделен пополам: в одной половине магазин, а в другой жилые помещения. Мы вызвали скорую, адвокат Аванесян составил заявление в полицию. Нас отвезли в больницу, промыли глаза. У нас обоих химический ожог роговицы глаз легкой степени. Не смертельно, но неприятно.

Софико: Я до сих пор нормально не могу читать. Меня хватает минут на 15 максимум. Из больницы мы поехали в «Типографию». По дороге нам сообщили, что уже пришла полиция, чтобы изъять тираж.

Павел: Мы приехали в «Типографию», там менты. Там у ресепшена есть массивное кресло. Очевидно, тот, кто в нем сидит, за что-то отвечает. Я сел в него и говорю ментам: «Так, вы по какому вопросу? Фамилии, документы». Они ошалели и показали корочки. Говорят: «Вы знаете, тут заявление на Никулина...» Я: «Понятно, я Никулин».

Софико: Тут они резко поменялись в лице.

Павел Никулин / Фото: Ксения Сонная / ОВД-Инфо

Что было за заявление?

Павел: Заявление от частного лица, что в Краснодаре мы собираемся заниматься пропагандой подготовки (!) экстремизма и пропагандой подготовки (!) к употреблению наркотиков. Не ждем, а готовимся, короче. Они сказали, что расценивают «Типографию» как место происшествия и будут проводить осмотр места происшествия в рамках УПК. Мы открыли УПК — там, действительно, прописано разрешение на осмотр. Но, что важно, забирать что-то они могут, только если осмотр предмета затруднен.

Софико: Мы им ничем не мешали: пожалуйста, смотрите здесь и сейчас. Они почему-то хотели забрать сразу все.

Павел: Адвокат в это время пока еще только ехал. В итоге они нашли двух понятых. Один был немного поддатый, у второго на руке вытатуирован «Валькнут».

Скандинавский языческий символ, его нацисты часто набивают. Я говорю: «Молодой человек — неонацист, мы тут немножко противоположных взглядов. Можно он просто уйдет?»

Софико: Пьяный понятой увидел, что в «Типографии» стоит пинг-понговский стол, и ушел играть.

Павел: Язычнику я сказал: «Вы же понимаете, что сегодня ничего не кончится? У нас будут ваши личные данные, мы будем вас всюду заявлять свидетелем». В итоге, понятые разбежались. Менты изымали журналы под видеофиксацию. Причем прямо во время нашей презентации. Сначала они описывали журналы, считали, составляли протокол. Нас к протоколу не допустили: формально мы к «Типографии» никакого отношения не имеем — с юридической точки зрения. Изначально с ментами приехал следователь МВД. По-моему, районный, но целый майор. (Анзор — ОВД-Инфо) Каппушев. Интересная личность. Два года назад его **привлекали** за избиение задержанного.

Софико: Он и еще четыре полицейских избили задержанного бутылкой от кулера.

Павел: Я смотрел его страницу в «Одноклассниках», там он ставит «класс» роликам про «путинский беспредел» и «путинских гнид»... Заявление на нас написал Михаил Баназаров, он оказался координатором организации «Потомки Бессмертного полка». Как дети лейтенанта Шмидта.

Это чисто краснодарская организация?

Софико: Видимо, да, хотя позиционирует себя как межрегиональная. Еще один координатор там Альберт Гаямян — довольно интересная личность, абсолютно одиозная. Насколько я понимаю, эти люди причастны к срывам концертов «Кривостока», «Пошлой Молли», Vegemoth. Они же боролись с фестивалем «Кубана». Против «Кубаны» они выступали потому, что там все пьют.

Павел: То есть, мы в их понимании что-то между «Пошлой Молли» и «Кривостоком», видимо. Что касается Гаямяна, он организовывал в Краснодаре «Русские марши», пытался проводить «Русские пробежки». Еще один человек из их тусовки, Гайвоновский, весь забит свастиками. Мне кажется, такое нормальное двоемыслие: когда у «потомка Бессмертного полка» на предплечье набита свастика. Единство и борьба противоположностей.

Изъятие альманаха moloko plus на презентации в Краснодаре / Фото: Алина Десятниченко

Презентация не состоялась?

Софико: Состоялась, в процессе изъятия журналов. Когда они их уносили, мы им аплодировали.

Как они узнали о вашей презентации? В соцсетях «Типографии» был анонс?

Павел: Да, конечно. В заявлении написано, что именно так и узнали. Есть версия, что вся эта история не про нас, а про «Типографию». «Потомки Бессмертного полка» вполне юридически подкованы, они способны написать донос так, чтобы его приняли.

Каковы перспективы?

Павел: Пока проверяют журналы. Вилка последствий большая: от того, что ничего не будет и отдадут журналы, до уголовного дела на всех. Во время обыска

по инициативе калужского ФСБ у меня дома изъяли 40 одинаковых журналов. Проверили и **вернули**.

Софико: К сожалению, закон устроен так, что проверка в Калуге ничего не значит, и журналы можно изымать хоть каждый месяц.

Павел: Хочу заметить, что на заявление о нападении на нас полицейские реагировали часов шесть. И только потом нас опросили. А на заявление против нас они отреагировали молниеносно. За последние лет пять в Краснодарском крае совершили минимум шесть нападений на политических активистов, журналистов и экологов: их избивали, преследовали, портили имущество и оборудование. Одного журналиста в Туапсе вообще мертвым нашли. Нападали на Сергея Хазова-Кассию в Кропоткине, **на феминисток**, на Pussy Riot, срывали **«Медиаудар»**, пытались сорвать ЛГБТ-фестиваль. Большинство нападавших не были найдены и наказаны. Я понимаю, что нападавшие претендуют на эдакое культурное доминирование, но им нечего противопоставить своим оппонентам кроме кубанского казачьего хора.

ЧТО Я МОГУ С ЭТИМ СДЕЛАТЬ?

Прочитать, рассказать, поддержать. Подпишитесь на регулярные пожертвования ОВД-Инфо, чтобы как можно больше людей узнали о политических репрессиях в России сегодня.

ПОДДЕРЖАТЬ